

А. П. ЧЕХОВ

(К 25-летию со дня смерти)

В. Д.

ЧЕХОВ начал свою литературную деятельность в годы глухой реакции. Только что было разгромлено народно-вольческое движение и идейное народничество постепенно вырождалось в мелкобуржуазное культурничество, в проповедь малых дел. Таковы были 80-е годы. С начала 90-ых годов стало явно чувствоваться наступление чего-то нового. Быстро развивался капитализм. Оскудевало дворянство. Нищало крестьянство, выделяя из себя бедняков и кулачество и втягиваясь в общую рыночную связь.

Происходили жестокие споры о пути развития России. Минует ли Россия капиталистическую стадию, или не минует? Устоит ли крестьянская община, крестьянское замкнутое хозяйство в борьбе с растлевающим влиянием капиталистического города?

На 90-ые годы приходится время творческой зрелости Чехова.

В молодости он был легковесным юмористом, «Антошей Чехонте», автором веселых однодневных пустячков.

Но от легковесных юморесков Чехов перешел к серьезным вещам, и вот хор критиков единогласно называет его «поэтом сумерек».

Но сам Чехов очень не любил, когда его называли поэтом сумерек и пессимистом. Когда художник Браз нарисовал его портрет (наиболее до сих пор распространенный), где изобразил Чехова скорбным интеллигентом, утонувшим в сумеречном полусвете, — Чехов об этом портрете отзывался так: «Лицо, говорят, похоже, но выражение такое, будто я хрену нанюхался...»

Присматриваясь внимательнее к творчеству Чехова, мы видим, что он многое разоблачал.

ПРЕЖДЕ всего от юношеских своих «анекдотиков» до конца своей жизни Чехов беспощадно издевался над царской бюрократической машиной. Затем всегда насмешливо обрисовывал он последних представителей вырождающегося дворянства.

Изображая различные типы восьмидесятников, Чехов разоблачал их крохоборские идеалы и идеалишки.

Он показал ограниченность, бесплодность и лицемерие толстовцев, уходящих от широких общественных задач в замкнутую раковину своего «я», оторванного от мира. Толстовство под маской любви к человечеству ведет к беспредельному индивидуализму, себялюбию, к реакционной антиобщественности.

С немалой силой обрушивается Чехов на проповедь малых дел, увлекавших одно время подавленную интеллигенцию. Он выводит длинную галерею нытиков, разочарованных в жизни мечтателей, когда-то стремившихся к живой работе, пытавшихся что-то на своем ограниченном поле действия строить, но от первых же трудностей опустивших руки.

Критик-марксист В. Воровский в своей статье «Лишние люди» отмечал эту

быструю утомляемость чеховских героев:

«Не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, — говорит Иванов (герой Чехова), — я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы... Вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся».

ЭТО объяснение, равно как и пресловутая ссылка на «среду», которая «заела», конечно не дает ответа на вопрос, откуда эта «утомленность» «лишних людей». Почему же другие не утомляются, почему другие не надрыдают спин, почему их не может заесть среда? История дает нам тысячи примеров того, какую работу способны выносить целые общественные группы и их отдельные представители, раз этим группам самой жизнью суждено крупное будущее... Но ограниченная психология наших героев не позволяет им понять глубоких объективных причин их мелких субъективных страданий. Объяснение «утомляемости», данное Ивановым, приводит к выводам, позволяющим оправдать жизнь. А выводы очень простые и ясные: если Ивановых губит то, что они взвалили непосильную ношу, то ясно, что раз они страдают такой «утомляемостью», следует поберечь спину и поумерить ношу.

Но если Чехов изображал в весьма непривлекательном виде надорвавшихся лишних людей, неудавшихся героев малых дел, — то выхода из этого безысходного положения он все-таки не показал.

Постепенно Чехов переходит к изображению нового, подымающегося класса — буржуазии. После мелких рассказов он делает попытку конкурировать с монополистом по части изображения в романах быта буржуазии — с Боборыкиным.

Буржуазия в показе Чехова — это не типичные деловые капиталисты, а люди из низов, только что поднявшиеся к богатству и культуре, недовольные своим положением, чего-то ищущие.

ПОДОЙДЯ к крестьянской теме, Чехов ее разрабатывает без малейшего народнического идеализирования. Повести «Мужики» и «В овраге» изображают крестьянство «как оно есть», во всей его неприкрытой нищете и дикости. Чехов одинаково ясно видел здесь как неумолимый процесс разорения крестьянства, так и выделение из него кулачества.

Повесть «Мужики» была использована марксистами в борьбе против последней народничества, а «В овраге» напечатана в марксистском журнале «Жизнь», сотрудником которого стал Чехов в 1900 году.

В последние годы жизни Чехов, по свидетельству воспоминаний, остро ощущал оживление общественного движения, интересовался всяческими политическими событиями, — и, несомненно, доживи он до революции 1905 года, он горячо на нее реагировал бы.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
= ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ =
Июль 1929 ♦ № 28 (264)

Адрес редакции и гл. конторы:

Ленинград, 2, Фонтанка, № 57.

Телефон ред. № 69-92.

Всем иногородным авторам,
присылающим в «Резец» рассказы,
стихи, очерки и т. п.,
литературной консультацией
даются ответы письменно

ВПРОЧЕМ, он не был революционером. Хорошо видя гниль старого, смеясь над этим пережившим себя старьем, разоблачая «лишних людей», толстовцев и пр., — Чехов все-таки не имел твердой социальной базы. К крестьянству он подошел односторонне: развенчав народнические иллюзии, он не заметил подлинных живых сил деревни.

Пролетариат почти не попал в круг его зрения. Эпизодические фигуры рабочих обрисованы им тепло, с участием, но дальше он не пошел.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО характерным следует считать письмо Чехова к Горькому по поводу пьесы «Мещане», где в лице машиниста Нила обрисован образ революционера-рабочего, к тому же противопоставленный, как явно положительный тип, мещанам Бессеменовым.

Чехов хвалит пьесу, хвалит Нила, но тут же советует Горькому не противопоставлять его другим героям: «Пусть он весел, пусть шалит хоть все четыре акта, пусть много ест после работы, — этого уже довольно, чтобы он овладел публикой».

Рабочий лишается сознательности — превращается в мирного и веселого парня.

ИТАК, Чехов не был ни «поэтом сумерек», безысходным пессимистом, ни революционером. Его сатира совсем не похожа на негодующую сатиру Салтыкова-Щедрина или надрыдность Гл. Успенского.

Чехов — тонкий психологист, исподволь, мягко разоблачающий пережитки старья, расчищающий путь к новой жизни.

А новая эта жизнь рисовалась ему совсем не в виде власти народа, он, даже сотрудничая в марксистском журнале, просмотрел широкое организованное рабочее движение.

Чехов стремился к культурным, упорядоченным формам жизни в пределах буржуазного общества, — недаром ему нравилась Европа, изжившая феодальное варварство, еще сильное в России. Отрицательных же качеств культурного капитализма Чехов не замечал.